

Университетъ пятидесятихъ годовъ.

(Изъ воспоминаній Н. Леваковскаго).

(окончаніе) ¹⁾.

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній описываемаго періода являются поѣздки въ деревню. Еще съ гимназической скамьи я былъ друженъ съ двумя моими сверстниками-товарищами Р—скими и принятъ въ ихъ семействѣ, какъ родной. Они принадлежали къ семьѣ небогатыхъ дворянъ, владѣвшихъ небольшимъ имѣніемъ въ Б—мъ уѣздѣ, Е—ской губерніи.

Вотъ въ этотъ-то завѣтный и памятный для меня уголокъ мы и отправлялись каждое лѣто по окончаніи экзаменовъ.

При одномъ воспоминаніи объ этихъ поѣздкахъ я живо представляю себѣ всѣ малѣйшія подробности.

Небольшая деревня стояла на покатости праваго берега рѣчки, которая брала начало изъ дальнихъ болотъ, и, причудливо извиваясь, текла нѣсколько верстъ между камышами и, кой-гдѣ, наклонившимся мелкимъ кустарникомъ, принесеннымъ ею же Богъ вѣсть откуда. За рѣкой широко раскинулась степь, и взоръ наблюдателя, смотрящаго сверху, терялся въ ея безграничности, не встрѣчая предмета, на которомъ могъ бы остановиться.

Ранней весной, во время разлива воды, видъ этой равнины былъ превосходенъ: полая вода, являвшаяся вслѣдствіе дружнаго таянія снѣговъ, съ быстротой катилась сначала по покатости въ видѣ шумящихъ ручейковъ, потомъ собиралась въ рѣку, которая выступала, наконецъ, изъ береговъ и разливалась на нѣсколько верстъ по равнинѣ; тогда вся эта мѣстность представлялась огромнымъ, волнующимся бассей-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль—сентябрь 1917 г.

„Русская Старина“, т. CLXXII. Октябрь—Декабрь 1917 г.

номъ, по которому плавали разбитыя льдины съ спокойно сидящими на нихъ галками и воронами, да мелькали сизыя чайки и крячки, изрѣдка лова принесенную водой мелкую рыбу. Но вотъ вода сбыла и оставила послѣ себя только кусты сухого камыша и разныхъ водяныхъ растеній, да лужи и небольшія озера въ углубленіяхъ, надъ которыми, какъ и во время разлива, вьются сизыя чайки и крячки въ сопровожденіи множества прилетѣвшихъ уже куликовъ и утокъ. Но лужи и озера мало-по-малу исчезли, а съ ними вмѣстѣ и вся водяная птица, и равнина покрылась молодою травой какъ зеленымъ ковромъ.

Съ одной стороны деревня примыкала къ опушкѣ лѣска, съ другой же ее окаймлялъ неглубокій оврагъ, изъ вершины котораго сочился ручеекъ, невысыхавшій, впрочемъ, въ самыя жаркіе лѣтніе дни.

Небольшая струя его воды, выходя на земную поверхность, задерживалась сначала нѣсколькими лежащими тутъ камнями и, образуя родъ небольшого бассейна, падала потомъ съ нѣкоторой высоты, и брызги воды разбивались при паденіи еще на мельчайшіе, играли на солнцѣ всѣми отливами радужныхъ цвѣтовъ. Въ вершинѣ оврага стояло нѣсколько вербъ; нѣкоторыя изъ нихъ были подмыты водой и, стоя на краю оврага, онѣ наклонились въ него, держась еще своими длинными корнями и, какъ будто, боясь оборваться и упасть.

Свѣтлый ручеекъ, катаясь по дну оврага и унося съ собою легкія песчинки, дѣлался все мутнѣе и мутнѣе и, пройдя нѣсколько сажень по наклонной поверхности, изливался въ рѣку.

Плетни и заборы на лицевой сторонѣ деревни выходили на вспаханныя поля, которыя, какъ разноцвѣтный коверъ, мѣстами чернѣли, зеленѣли или желтѣли, смотря по тому, куда взглянешь; въ иныхъ мѣстахъ эти разнообразныя полосы перемеживались, чередуясь, и казалось, что чья-то искусная рука нарочно старательно приноровила все это.

Со стороны, противоположной лѣсу, на краю деревни стоялъ небольшой господскій домъ, обращенный лицевой стороной въ садъ, расположенный при подошвѣ покатости, такъ, что сверху казался стоящимъ подъ самыми ногами. Издали онъ представлялся ровною зеленой скатертью, на которой только мѣстами торчали верхушки высокихъ деревьевъ.

А самая поѣздка „на своихъ“ въ эту деревню! Да вѣдь это просто поэзія! Солнце спустилось уже довольно низко, но

воздухъ, раскаленный дневнымъ жаромъ, еще душень; тарантасъ медленно движется по ровной степной дорогѣ; кругомъ необозримая степь; вотъ экипажъ въѣхалъ въ лощину, и повѣяло свѣжестью; жадно, всей грудью, вдыхаешь этотъ живительный воздухъ, а, вмѣстѣ съ этимъ, и глазъ отдыхаетъ отъ однообразныхъ степныхъ видовъ: края ложбины круты, дно покрыто изумрудно-зеленой травой, посрединѣ течетъ ручей, который нѣсколько далѣе образуетъ небольшое болотце; единственный владѣтель его—коростель - дергачъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на приближеніе экипажа, неистово кричитъ свое неизмѣнное „тыръ-тыръ-тыръ“.

Но вотъ тарантасъ выѣхалъ изъ лощины, и опять по-прежнему тепло и сухо. А солнце между тѣмъ спустилось еще ниже. По небу высоко-высоко тянутся длинныя, волокнистыя облака; воздухъ принимаетъ общій желтоватый оттѣнокъ: это отблескъ зари.

Жаворонокъ высоко взвился и поетъ свою нескончаемую пѣсню; ему отвѣчаетъ гдѣ-то въ травѣ перепелъ своей всегдашней короткой фразой: „пить пойдемъ“. Еще болѣе стемнѣло, предметы кажутся какъ будто въ туманѣ; высоко надъ головой слышенъ какой-то слабый свистъ—это стая утокъ пролетѣла на сосѣднее болото. Совсѣмъ темно; воздухъ не шелохнется; небо покрыто массой звѣздъ, изъ которыхъ особенно выдается группа, образующая созвѣздіе „Большой медвѣдицы“ („возъ“, какъ называютъ въ Малороссіи). Млечный путь тянется своимъ слабымъ ровнымъ свѣтомъ чрезъ все небо.

Вдали послышался лай собаки, на него откликнулась гдѣ-то близко другая; въ воздухѣ потянуло свѣжимъ дымомъ; недалеко хуторъ—заранѣе назначенный мѣстомъ ночлега.

Не знаю, не могу рѣшить: было ли все это въ дѣйствительности такъ хорошо или же лѣта были такія, въ которыя все кажется розовѣе.

V.

По окончаніи курса.

1856 года, мая 20, я вышелъ изъ университета, сдавши послѣдній экзаменъ и окончивши, такимъ образомъ, курсъ со степенью кандидата физико-математическаго факультета, по разряду естественныхъ наукъ.

Я окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, получилъ изъ университета нижеслѣдующее свидѣтельство. „Дано сіе свидѣтельство отъ совѣта И. Х. У., за надлежащею подписью и съ приложеніемъ казенной печати кандидату Физико-Математическаго факультета Н. Л.—скому въ томъ, что Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Его Высокопревосходительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Д. Т. С. Авраама Сергѣевича Норова, о разрѣшеніи ему, Л.—скому, поступить въ столицахъ на службу по Министерствамъ и Главнымъ Управленіямъ, Высочайше на сіе соизволилъ“.

Подобное свидѣтельство давалось лучшимъ кандидатамъ и цѣнилось въ то время очень высоко, т. к. прочимъ окончившимъ курсъ право служить въ министерствахъ давалось только по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ окончанія курса.

Но возвратимся къ моменту, съ котораго я началъ. Вышедши изъ знанія университета въ роли окончившаго курсъ (стало быть, уже не ученика, не студента, а такъ сказать гражданина), я былъ, буквально, охваченъ цѣлымъ роемъ представшихъ передо мной вопросовъ и задачъ. Я кончилъ курсъ! Куда, на что направить свою дѣятельность? Къ чему примѣнить небогатый запасъ различныхъ книжныхъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ университетѣ, и т. под. При томъ вопросы эти непремѣнно требовали возможно-скорѣйшаго разрѣшенія, т. к. въ описываемое время семья наша находилась въ самыхъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ и крайне нуждалась въ поддержкѣ съ моей стороны. Поэтому, повторяю, необходимо было возможно скорѣе избрать себѣ дорогу. О поѣздкѣ въ Петербургъ для службы въ министерствахъ (какъ гласила полученная мною бумага), разумѣется, нечего было и думать. Оставалось одно: искать мѣста учителя гимназіи. Я прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ общепринятому средству (которое, какъ я знаю, практикуется и до сихъ поръ окончившими курсъ)—подалъ прошенія во всѣ учебные округа, въ надеждѣ, что, авось-либо, хотя въ одномъ изъ нихъ окажется вакантнымъ вождедѣнное мѣсто учителя.

Въ ожиданіи отвѣтовъ, я принялся оканчивать свою работу—сочиненіе на медаль. Время шло, отвѣтовъ не было, а матеріальныя средства становились, день-ото-дня, хуже и хуже! Наконецъ, начали появляться и отвѣты, но, къ несчастію, всѣ до единого, отрицательные, т.-е. извѣщавшіе, что вакантныхъ

мѣсть нѣтъ. Между тѣмъ, я былъ утвержденъ кандидатомъ, нужно было получить дипломъ и заплатить за него шесть рублей, нужно было сдѣлать, вмѣсто форменнаго, статское платье. На все это потребовалось, по приблизительному расчету, сумма въ 30 рублей. Гдѣ взять такую сумму? Нечего дѣлать, пришлось разстаться съ единственной сколько-нибудь цѣнной вещью—теплой форменной шинелью, и заложить ее, до поры до времени. Ростовщица, жившая по сосѣдству, дала, къ несчастію, только 5 рублей.

Гдѣ же взять остальные 25 (сумма, при представленіи которой, я приходилъ, въ то время, просто въ ужасъ!). Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, я какъ-то встрѣтился съ моимъ дальнимъ родственникомъ (бывшимъ тоже, когда-то студентомъ) и рассказалъ ему, между прочимъ, о безвыходности моего положенія. Выслушавши мой рассказъ, онъ вынимаетъ изъ кармана деньги и, вручивши мнѣ 25 рублей, говоритъ: „отдашь, когда будешь имѣть возможность“.

Я просто не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ! Но дѣйствительность говорила сама за себя; я расблагодарилъ дорогого родственника и тутъ-же вывелъ заключеніе о колоссальности его матеріальныхъ средствъ.

Послѣ такого неожиданно счастливаго выхода изъ крайне затруднительнаго положенія, оставалось только привести въ исполненіе давно предначертанный планъ касательно particularнаго платья. Черезъ нѣсколько дней новый костюмъ былъ готовъ! Я до сихъ поръ помню въ подробности всѣ мельчайшія части моего новаго туалета: черная (какъ тогда называли) визитка, жилетъ—цвѣта желѣзняка съ вышитыми шелкомъ цвѣтками темныхъ розъ и голубыхъ незабудокъ (подарокъ дѣвицы, питавшей ко мнѣ нѣжныя чувства), мохнатые панталоны, цвѣта персидской сирени, съ тигровыми поперечными полосами, черная люстриновая накидка съ широчайшими рукавами и цилиндрическая шляпа московскаго произведенія.

Не скрою: я нравился самъ себѣ въ этомъ новомъ костюмѣ! Но я истратилъ на него всѣ 30 рублей, а дипломъ такъ и остался въ университетѣ до новыхъ, болѣе благопріятныхъ условій.

Между тѣмъ, получился и послѣдній отвѣтъ, извѣщавшій, что вакантнаго мѣста учителя нѣтъ! Наступила осень. Положеніе становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Но вотъ, во второй половинѣ ноября, заходитъ какъ-то ко мнѣ одинъ изъ товарищей (именно одинъ изъ Р—скихъ) и предлагаетъ:

не желаю ли я взять мѣсто домашняго учителя въ семействѣ графа Гендрикова, въ деревнѣ, Славяносербскаго уѣзда (Екатеринославской губерніи)? „Они люди со средствами, а потому насчетъ вознагражденія можешь не стѣсняться“, прибавилъ онъ. „Графиня здѣсь, и если ты согласенъ, то отправляйся къ проф. Л—ну, заяви о своемъ желаніи, и онъ тебя представитъ“. Необходимость получить хотя какое-нибудь мѣсто, имѣть хотя нѣкоторые средства, какъ для собственнаго существованія, такъ равно и для жизни всей нашей семьи, была такъ настоятельна, что я, не колеблясь, согласился.

Меня смущало только одно: это графскій титулъ моихъ патроновъ!

Сколько я ни напрягалъ воображенія, я никоимъ образомъ не могъ воспроизвести, хотя мысленно, ни графа, ни графини!

Тѣмъ не менѣе, я рѣшился и на другой же день отправился, по указанію товарища, къ проф. Л—ну съ заявленіемъ желанія получить мѣсто домашняго учителя въ семействѣ Гендриковыхъ. Л—нъ, зная меня, какъ лучшаго кандидата въ курсъ, нѣсколько удивился моему желанію, но когда узналъ причину (полнѣйшій недостатокъ матеріальныхъ средствъ) охотно согласился и обѣщаль, на слѣдующей же день, представить меня графинѣ. Съ невыразимымъ волненіемъ и страхомъ ожидалъ я назначеннаго времени; наконецъ, оно настало: мы поѣхали съ Л—нымъ къ графинѣ. Какой-то добродушный старичекъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, доложилъ о нашемъ пріѣздѣ, и мы вошли.

Я увидѣлъ даму, среднихъ лѣтъ, одѣтую самымъ обыкновеннымъ образомъ (т.-е. безъ всякихъ знаковъ графскаго достоинства), привѣтливую, говорящую такъ, какъ всѣ. Удивленію моему не было границъ: неужели же это и есть графиня? Чѣмъ же она отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ? (По моему она непременно должна была отличаться). Графиня предложила мнѣ нѣсколько самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, въ родѣ того: „Когда вы окончили курсъ? есть ли у васъ родные?“ и т. под. Удивленію моему не было границъ! Но, мало-по-малу, я освоился нѣсколько съ моимъ новымъ положеніемъ.

Черезъ нѣсколько времени графиня, наконецъ, обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— Добрѣйшій В. И. (имя и отчество рекомендовавшаго меня проф.) сообщилъ мнѣ, что Вы согласны поѣхать къ намъ въ деревню и учить моихъ шалуновъ? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Мои шалуны, продолжала графиня, предобрые люди, и я заранѣе увѣрена, что Вы ихъ полюбите.

Такимъ образомъ, разговоръ продолжался еще нѣкоторое время.

Наконецъ, графиня спросила: — Скажите пожалуйста: какое вознагражденіе желаете Вы получать за вашъ трудъ?

Помня наставленіе товарища „не стѣсняться въ этомъ отношеніи, такъ какъ Гендриковы люди со средствами“, я подумалъ, подумалъ и, наконецъ, собравшись съ духомъ, вымолвилъ нерѣшительно, ожидая тучи затрудненій и возраженій: 30 р. въ мѣсяць!

Ни возраженій, ни затрудненій не послѣдовало: графиня отвѣчала, что она совершенно согласна. Это согласіе безъ возраженій меня крайне удивило: для меня 30 р. казались, въ то время, громадной суммой, и вдругъ мнѣ даютъ ее безпрекословно!

Чтобы выяснить причину моего удивленія, я долженъ сказать, что студенческіе уроки, въ то время, оплачивались 3—5 рублями въ мѣсяць. Соображаясь съ этимъ и съ заявленіемъ товарища „не стѣсняться“, я и заломилъ 30 р., и вдругъ мнѣ даютъ ихъ съ перваго слова! Но удивленіе мое этимъ не окончилось:

— Можетъ быть вамъ нужны деньги на дорогу, продолжала графиня, поэтому позвольте вамъ предложить, въ счетъ вашего жалованья, 50 р.; потомъ мы сочтемся. Такого капитала я никогда до тѣхъ поръ не имѣлъ въ рукахъ! При томъ, капиталъ этотъ дается мнѣ за мой трудъ! Восторгу моему не было границъ! Я условился на счетъ времени отъѣзда (я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ графиней) и не вышелъ, а просто вылетѣлъ изъ комнаты. Полученныя деньги пошли на нужды семьи; а нужда была дѣйствительно большая, такъ какъ послѣ смерти отца мать, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, не получала пенсіи, и мы были совершенно безъ средствъ.

Въ назначенный день я явился къ графинѣ готовый къ отъѣзду; мой дорожный багажъ былъ не великъ; я могъ смѣло сказать: *omnia secum porto!* Скоро къ крыльцу подъѣхалъ красивый дорожный дормезъ, запряженный четверкой почтовыхъ лошадей; вынесли вещи, и старикъ камердинеръ доложилъ: „все готово, Ваше Сіятельство!“

Мы вышли на крыльцо; оказалось, что кромѣ графини и меня съ нами ѣдетъ еще молоденькая-камеристка графини— Вѣра.

Входя, по приглашенію графини, вслѣдъ за нею въ карету, я хотѣлъ сѣсть на передней скамейкѣ, предоставивши изящной Вѣрѣ мѣсто возлѣ графини; но эта послѣдняя не допустила меня привести въ исполненіе мое намѣреніе:

— Какъ можно! Садитесь пожалуйста возлѣ меня! Вѣра сядетъ на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ.

Дѣло было во второй половинѣ ноября; мы выѣхали часовъ около 4-хъ; поэтому скоро начало темнѣть; разговоръ, вслѣдствіе стука колесъ, качки и подталкиванія экипажа, скоро прекратился. Графиня, усѣвшись попокойнѣе, скоро уснула, Вѣра не замедлила послѣдовать ея примѣру и скоро разоспалась до того крѣпко, что качалась во всѣ стороны. Я не могъ сомкнуть глазъ вслѣдствіе необычайной обстановки, въ которой я очутился: присутствіе бокъ-о-бокъ спящей элегантной дамы (графини! какъ будто шепталъ мнѣ кто-то на ухо!), раздражающій запахъ какихъ-то духовъ, красивая, молодая Вѣра, ежеминутно рискующая упасть мнѣ на колѣни... все это было настолько для меня ново, необыкновенно, что, разумѣется, о снѣ не могло быть и помину! Что же будетъ дальше? задавалъ я самъ себѣ вопросъ.

Въ это время мы подъѣхали къ станціи; сопровождавшій насъ камердинеръ пошелъ распорядиться перемѣной лошадей; графиня проснулась и, увидѣвши, при свѣтѣ фонарей, что я не сплю, обратилась ко мнѣ такимъ образомъ:

— Вы, вѣроятно, не имѣете обыкновенія спать въ дорогѣ, а меня эта качка скоро убаюкиваетъ; я везу съ собой довольно большую сумму денегъ и боюсь ихъ какъ-нибудь потерять; потрудитесь взять ихъ себѣ“. Съ этимъ вмѣстѣ, она вынула изъ кармана туго набитый бумажникъ и передала его мнѣ. Я, машинально, положилъ его въ карманъ. Графиня скоро опять заснула, а я остался вновь при той же необыкновенной для меня обстановкѣ, да еще съ огромнымъ кушемъ денегъ въ карманѣ! Это послѣднее обстоятельство скоро заставило меня забыть все остальное: такъ было оно необыкновенно! Мнѣ, незнакомому человѣку, дали на сохраненіе пачку ассигнацій, я взялъ ихъ не считавши! А что, если потомъ, при повѣркѣ, ихъ окажется меньше? Я понималъ, что изъ кармана у меня онѣ не уйдутъ; но графиня можетъ забыть, сколько она дала мнѣ. Въ какомъ я буду положеніи? Я крѣпко держалъ обѣими руками карманъ, гдѣ лежала моя драгоценная ноша, и, разумѣется, при этомъ не могъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь.

Часовъ въ 8 утра мы остановились на одной изъ станцій пить чай.

Графиня, разумѣется, не спрашивала, цѣлы ли у меня деньги, я, съ своей стороны, не посмѣлъ о нихъ заговорить и объяснить тѣ мученія, какія я терплю, имѣя при себѣ эту драгоценную ношу.

Между прочимъ, графиня предупредила меня, что „мы сегодня должны заѣхать на нѣсколько часовъ къ графинѣ-бабушкѣ, имѣніе которой лежитъ намъ по пути“. При этомъ она вкратцѣ передала біографію grand-maman; оказалось, что она всю жизнь провела при дворѣ, была когда-то красавицей, поэтому избалована, что она до сихъ поръ имѣетъ связи въ Петербургѣ, что къ ней всѣ относятся съ глубокимъ уваженіемъ и т. под. Отъ такой характеристики у меня, какъ говорится, въ глазахъ потемнѣло! Такъ вотъ она настоящая-то графиня!—подумалъ я. И мнѣ предстоитъ быть представленнымъ ей! Я забылъ и свою драгоценную ношу: мнѣ представлялась только графиня-бабушка, имѣющая и до сихъ поръ связи въ Петербургѣ! Мы поѣхали далѣе, и часовъ около двухъ дормезъ нашъ подѣхалъ къ усадьбѣ старой графини.

Большой каменный домъ прежней постройки, съ колоннами и лѣпными украшеніями на фронтонѣ и подъ окнами, какъ-то мрачно, угрюмо выглядывалъ среди окружавшихъ его болѣе мелкихъ хозяйственныхъ построекъ и виднѣвшихся въ почтительномъ отдаленіи крестьянскихъ хатъ. Отъ большой дороги къ дому вела полукруглая аллея, обсаженная пирамидальными тополями, начинающаяся, при въѣздѣ воротами, въ видѣ двухъ каменныхъ столбовъ съ графскимъ гербомъ на одномъ изъ нихъ и съ обозначеніемъ титула, имени, отчества и фамиліи владѣлицы на другомъ. На крыльцѣ, справа и слѣва, лежало по гипсовому льву; у одного изъ нихъ былъ отломанъ конецъ хвоста, которымъ, какъ извѣстно, этотъ звѣрь такъ гордится и кокетничаетъ; у другого недоставало конца лапы, и она была замѣнена кускомъ алебаstra, неумѣло придѣланнымъ вѣроятно рукой домашняго импровизированнаго мастера. Предъ домомъ, въ полукругѣ, образованномъ тополевою аллеею, былъ разбитъ цвѣтникъ, на клумбахъ и рабаткахъ котораго торчали сухіе стебли какихъ-то травинокъ, а по дорожкамъ лѣниво перебѣгали съ мѣста на мѣсто желтые листья тополей, гонимые вѣтромъ все далѣе и далѣе.

Когда дормезъ подѣхалъ къ крыльцу, ливрейный лакей отворилъ дверцы, почтительно помогъ графинѣ выйти, лю-

безно, молча, раскланялся съ Вѣрой и какъ-то подозрительно посмотрѣлъ на меня.

Мы вошли въ переднюю. Цѣлая полдюжина лакеевъ всѣхъ возрастовъ въ форменныхъ темносинихъ ливреяхъ вскочила съ мѣстъ при появленіи графини и бросилась помогать раздѣваться. Одинъ изъ нихъ отправился доложить ея сіятельству о пріѣздѣ. Мы вошли въ залъ; почти въ то же самое время, изъ противоположныхъ дверей, ведущихъ во внутренніе апартаменты, показалась какая-то особа женскаго пола, сухая, желтая, сморщенная, одѣтая въ черное шелковое платье. Это, какъ оказалось потомъ, была какая-то дальняя родственница графини-бабушки, проживавшая у нея въ роли компаньонки и лектриссы. Поздоровавшись съ графиней, она объявила, что *M-me la Comtesse* кончаетъ туалетъ и проситъ гостью пожаловать къ ней въ будуаръ. Въ это время она, какъ бы случайно, обратила глаза по тому направленію, гдѣ стоялъ я и нужно было видѣть выраженіе ея лица при этомъ! Если бы она увидѣла какое-нибудь насѣкомое, помѣстившееся некстати на ея платьѣ, она, я увѣренъ, отнеслась бы къ нему съ меньшимъ отвращеніемъ! Видя эту импровизированную молчаливую сцену, графиня-спутница очень любезно просила меня подождать нѣсколько, пока она зайдетъ поздороваться къ *grand-papa*. Я остался одинъ въ залѣ и, въ ожиданіи дальнѣйшаго, сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Положеніе мое было не изъ завидныхъ: самолюбіе мое было затронуто до крайней степени! Но скоро отворилась опять та же дверь, изъ которой, нѣсколько минутъ тому назадъ, появилось сказанное выше существо, и изъ нея не вышла, а выплыла графиня-бабушка въ сопровожденіи той же компаньонки-лектриссы и спутницы моей, графини Г—вой. Меня при этомъ представили, прибавивши, что везутъ учителемъ къ дѣтямъ. Старая графиня осмотрѣла меня въ лорнетъ съ ногъ до головы, подобно тому, какъ осматриваютъ какую-нибудь вещь для того, чтобъ рѣшить, можно ли ее оставить или нужно бросить?

Послѣ такого осмотра, всѣ отправились въ гостиную. Разговоръ все время шелъ по-французски, т. к. старая графиня не любила русскаго языка, да и притомъ съ трудомъ справлялась съ его варварскими, по ея мнѣнію, оборотами. Я сидѣлъ и молчалъ. Но вотъ дошла очередь и до меня. — Вы гдѣ учились?—обратилась ко мнѣ старая графиня, посмотрѣвши при этомъ на меня опять въ лорнетъ.

Я отвѣчалъ на вопросъ.—И совсѣмъ выучились?—продолжала графиня.

Я не понялъ вопроса и потому затруднился отвѣтомъ.

Видя мое замѣшательство, графиня-спутница поспѣшила вывести меня изъ затрудненія, сказавши:—Какъ же, м-г Л—скій кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и получилъ медаль.

— Зачѣмъ медаль?—продолжала допрашивать неугомонная старуха. Послѣдовалъ разговоръ, для большей ясности опять по-французски.

Присутствуя при этомъ разговорѣ, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: Зачѣмъ я здѣсь? Почему эти люди, которыхъ я вижу въ первый разъ, такъ презрительно относятся ко мнѣ?

Мнѣ невольно представился недавно оставленный мною университетъ, вспомнились живо отношенія ко мнѣ товарищей и профессоровъ; тѣ и другіе относились ко мнѣ дружелюбно; мало того: тѣ и другіе видѣли во мнѣ нѣчто выдающееся изъ обыкновеннаго ряда, нѣчто обѣщающее! А тутъ, въ этомъ чужомъ домѣ, люди, до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, смотрятъ на меня, какъ на какого-то парію, одно прикосновеніе къ которому способно, повидимому, скомпрометтировать человѣка! Зачѣмъ я здѣсь? Снова назойливо сталъ передо мной вопросъ. Что заставляетъ меня выносить эти презрительные взгляды лакеевъ, приживалокъ и наконецъ самой большой барыни? Бѣдность, нужда! какъ будто кто-то шепнулъ мнѣ вдругъ на ухо эти слова. Да, нужда! съ горечью подумалъ я; это она, на первыхъ же шагахъ, такъ тяжело даетъ себя чувствовать! И я впервые невольно пожалѣлъ, что я бѣденъ! Бѣжаты!.. подумалось мнѣ. Куда? Нѣтъ выхода! Терпи? Это первый урокъ на жизненномъ поприщѣ! Куда, куда! Слышался мнѣ хриплый, злорадный голосъ старухи-нужды, и я робко, со страхомъ осматривался по сторонамъ.

Къ счастью для меня, испытаніе мое скоро окончилось: гостья-родственница и хозяйка расцѣловались, и мы отправились въ дальнѣйшій путь. Выѣхавши со двора, я вздохнулъ такъ свободно, какъ будто у меня сняли съ шеи пудовую гирию. Но этимъ не кончились приключенія описываемаго дня. Графинѣ предстояло еще заѣхать къ кузинѣ Стр—ой, жившей въ своемъ имѣніи, лежащемъ также на нашемъ пути.

Самого Стр—ва я зналъ (онъ былъ товарищъ мой, окончившій курсъ годомъ раньше меня). Онъ былъ очень богатъ; былъ единственный сынъ и наслѣдникъ большого имѣнія. Жену его я видалъ нѣсколько разъ, когда она была еще дѣвицей; хорошенькая, бойкая барышня, она рѣшила женить на себѣ Стр—ва и безъ затрудненія, разумѣется, привела въ

исполненіе это рѣшеніе. Вотъ къ этой-то молодой четѣ, представляющей сочетаніе съ одной стороны красоты и бойкости, а съ другой—богатства, мы и должны были заѣхать. Часу въ шестомъ вечера дормезъ подѣхалъ къ крыльцу стараго Стр—го дома. Мы вошли въ переднюю. Насъ встрѣтила цѣлая разношерстная толпа прислуги, сидѣвшей безъ всякаго дѣла, и обдалъ потокъ жилого запаха, свойственнаго помѣщичьимъ переднимъ того времени. Вся лакейская компанія бросилась раздѣвать мою спутницу, и я боялся только одного, чтобы ее не разорвали отъ усердія. Желающаго взять мою шинель не оказалось, я собственноручно повѣсилъ ее на свободный гвоздикъ и послѣдовалъ за графинею въ залъ.

— Кто это съ графинею?—послышался шопотомъ вопросъ одного изъ прислугъ, вопросъ, очевидно, относившійся ко мнѣ.

— А это графиня учителя наняла и везетъ съ собой, — послѣдовалъ отвѣтъ.—А! послышалось далѣе.

Хозяева вышли навстрѣчу въ залъ, въ гостиной мы встрѣтили цѣлое общество; это были родственницы хозяйки, которая успѣла окружить себя ими, чтобы не скучать въ деревнѣ. Меня представили. Начался обычный незначительный разговоръ. Въ антрактахъ Стр—въ пробовалъ вставить иногда и отъ себя нѣсколько словъ въ общій разговоръ, но при этомъ молодая супруга его всегда, не стѣсняясь, заявляла:

— Ахъ, пожалуйста, молчи! Ты непременно наговоришь глупостей!

Онъ, повидимому, уже успѣлъ привыкнуть къ такому обращенію и дѣйствительно умолкалъ. Пробовалъ было онъ нѣсколько разъ заговорить со мной, но при этомъ ему тотчасъ давали какое-нибудь порученіе, въ родѣ принесенія носового платка изъ другой комнаты. Такимъ образомъ, и эти попытки его заговорить рушились.

Вяло, монотонно протянулся вечеръ; послѣ ужина всѣ начали расходиться. Хозяинъ объявилъ, что мнѣ приготовлена постель у него въ кабинетѣ и, сказавши это, отправился вмѣстѣ со мной. Когда мы пришли въ кабинетъ, я увидѣлъ, что кромѣ приготовленнаго мнѣ дивана тутъ же стоитъ кровать хозяина дома.

— Ну вотъ, мы теперь и свободны!—произнесъ какъ-то особенно радостно хозяинъ. — Не люблю я, знаете, этого бабьяго общества; а вы видѣли, что весь домъ набить у меня этимъ добромъ!

Сказавши это, онъ какъ-то особенно добродушно засмѣялся, будучи, повидимому, несказанно доволенъ тѣмъ, что произнесенная имъ фраза не была обозвана, по обыкновенію, глупостью.

— Вотъ мы сегодня ради свиданія съ старымъ товарищемъ выпьемъ! прибавилъ онъ, потирая руки, и съ этими словами вышелъ изъ комнаты. Зная его помѣщичьи замашки и привычки, я удивился—почему онъ отправился за виномъ самолично, а не прибѣгнулъ къ обычному въ такихъ случаяхъ средству:—Эй, чекъ, Ванька! бутылку краснаго вина! Но дѣло скоро объяснилось. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ бутылкой краснаго вина.

— Ну, вотъ мы теперь можемъ выпить, что называется, всласть! произнесъ онъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ.

— Вотъ только, продолжалъ онъ, пробку-то придется, чортъ возьми, перочиннымъ ножомъ выковырять! Вѣдь, пробочника-то нѣтъ!

— Да что же вы не прикажете подать? спросилъ я, нѣсколько недоумѣвая.—Подать! повторилъ онъ. Да вы знаете ли, что бутылку-то я стащилъ у Токи изъ буфета; онъ пошелъ ужинать, а ключи-то, дуракъ, и оставилъ! Такъ до пробочника ли тутъ? Вы понимаете? прибавилъ онъ, въ видѣ поясненія.

Я понялъ; но настолько все сказанное было неожиданно, что я затруднился что-нибудь произнести. Вѣроятно, видя мое удивленіе, мой необыкновенный хозяинъ, не то въ видѣ объясненія, не то въ видѣ нѣкотораго оправданія, прибавилъ:

— Да, вотъ вы, я вижу, удивляетесь! А если бы побыли на моемъ мѣстѣ, то, вѣроятно, скоро убѣжали бы! Съ этимъ послѣднимъ я не могъ не согласиться: какъ ни скверно было мое тогдашнее положеніе, но я не промѣнялъ бы его на все огромное состояніе Стр—ва!

Мы роспили эту злосчастную, украденную у самого себя, бутылку краснаго вина; разговоръ какъ-то не вязался, и мы скоро пожелали другъ другу покойной ночи. На утро, послѣ чая, мы выѣхали въ дальнѣйшій путь.

На одной изъ станцій, во время перепряжки лошадей, я вышелъ изъ экипажа, чтобы хотя нѣсколько походить и размять уставшіе члены.

Около дормеза суетились ямщики, самъ смотритель, ради сіятельной особы, сидѣвшей въ экипажѣ, показывалъ видъ, что онъ тоже что-то дѣлаеть; недалеко отъ него стояла жен-

щина, вѣроятно его жена, которая старалась, обуреваемая любопытствомъ, заглянуть въ карету.

Я ходилъ взадъ и впередъ на недалекомъ разстояніи. Удовлетворивъ, вѣроятно, свое любопытство, женщина обратила вниманіе и на меня; такъ, по крайней мѣрѣ, я заключилъ по вопросу, обращенному ею къ смотрителю:—Федотычъ! Кого это везетъ графиня-то?

— Учителя наняла! отвѣчалъ тотъ, какъ-то нехотя.

— А, а, а! протянула она тѣмъ же самымъ тономъ, который уже разъ такъ неприятно прозвучалъ у меня въ ушахъ, когда мы проходили переднюю Стр—хъ, наполненную прислугой.

Мы выѣхали со станціи. Солнце стояло хотя и высоко, но слабо виднѣлось сквозь сѣрыя, нависшія тучи; вѣтеръ замѣтно усиливался и, разгуливая по степи, переносилъ снѣгъ съ мѣста на мѣсто маленькими струйками. Хохлатый подорожникъ бѣжитъ, оглядываясь и подлетая, впереди экипажа, какъ-будто показывая дорогу проѣзжающимъ; вотъ отлетѣлъ онъ впередъ довольно далеко и преспокойно уже клюетъ какое-то зернышко, принесенное вѣтромъ на дорогу; но экипажъ приближается, и онъ опять съ крикомъ летитъ далѣе впередъ по дорогѣ и снова садится, и снова летитъ еще далѣе.

Кругомъ все пусто и тихо, лишь вѣтеръ, пробѣгая по сухимъ стеблямъ растеній, производитъ какой-то особенный шумъ.

Но вотъ началъ падать снѣгъ небольшими хлопьями, несясь быстро по воздуху и покрывая все попадающее ему на пути бѣлой пеленой; съ каждымъ порывомъ вѣтра онъ усиливается, и хлопья, перегоняя другъ друга и перемѣшиваясь, густо падаютъ на землю. Солнце скрылось уже совершенно, такъ что въ пяти шагахъ невозможно уже различить предмета. Между тѣмъ вѣтеръ дуетъ все сильнѣй и сильнѣй и несется, какъ-будто вырвавшись откуда-то на волю и, крутясь и завывая, разгуливаетъ по всей степи! Да и какъ не гулять ему? Необъятно, безгранично раскинулась она: куда ни посмотрѣть, вездѣ лишь только небо, да земля, и только изрѣдка попадаются деревья, одиноко стоящія по большой дорогѣ.

Куда ни посмотришь, все пусто, и колокольчикъ, лѣниво звеня, наводитъ какое-то уныніе. Метель усиливается. Вѣтеръ злобно шумитъ, несясь по степи, заматавая дорогу, и какъ-будто, играя и шутя, онъ самъ себѣ ставитъ препятствія, нанося огромные сугробы снѣгу и потомъ снова разметывая ихъ.

Вотъ вѣтеръ дунулъ какъ-то особенно сильно, быстро несясь и засыпая глаза кучеру и сѣдоку; они спѣшатъ отвернуться, но онъ, какъ-будто въ насмѣшку, подулъ съ другой стороны и, собравши цѣлую кучу снѣга, бросилъ ея въ нихъ, а потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, понесся дальше, и дикій визгъ его раздается далеко по степи!

Лошади тащатся шагомъ по глубокому снѣгу, безпрестанно проваливаясь въ рытвины и ложбины, фыркаютъ отъ усталости и бросаются вдругъ въ сторону, испугавшись чего-нибудь. Напрасны старанія кучера отыскать дорогу: ея давно уже нѣтъ, и лошади сами, какъ-то безотчетно, поворачиваютъ то вправо, то влѣво!

Часовъ пять продолжается мятель; но вотъ вѣтеръ началъ дуть слабѣе, не такъ быстро несется онъ по степи, не такъ сильно заметаетъ все, попадающее ему на пути, и, наконецъ, какъ-будто нагулявшись вдоволь, онъ почти совсѣмъ стихъ.

Вечеромъ, уже при свѣчахъ, мы достигли, наконецъ, цѣли нашей поѣздки—имѣнія Гендриковыхъ. Съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, близкимъ къ страху, я входилъ въ незнакомый мнѣ домъ! Что я встрѣчу тамъ?

Что, если я найду тутъ нѣчто подобное тому, что встрѣтилъ въ домѣ графини-бабушки? Что за человѣкъ графъ? Что я буду говорить съ нимъ? Какъ отнесутся ко мнѣ дѣти? Вотъ тѣ вопросы, которые назойливо тѣснились у меня въ головѣ.

Пріѣздъ графини въ этотъ день былъ заранѣе извѣстенъ; поэтому, какъ только слышали стукъ экипажа, вся семья вышла въ залъ для встрѣчи. Впереди всѣхъ, возвышаясь надъ остальными, выдавалась красивая фигура самого графа. Я взглянулъ на него и невольно подумалъ: наконецъ, я вижу настоящаго графа! Настоящимъ я счелъ его по оригинальному костюму, напоминавшему мнѣ тѣхъ графовъ, которыхъ я видалъ въ театрѣ: на немъ была бархатная, вышитая шелкомъ мантилія, что очень шло къ его красивому лицу. Но я сейчасъ же былъ выведенъ изъ моего заблужденія вопросомъ графини, обращеннымъ къ мужу:—Что это такъ странно сегодня костюмировался?—Да холодно мнѣ, что-то! попалась мнѣ на глаза твоя мантилья, я и накинулъ ее себѣ на плечи, да отъ удовольствія скорѣе увидѣть тебя и забылъ снять! Дѣло, такимъ образомъ, разъяснилось очень просто.

Меня представили.

— Вы кончили курсъ въ Харьковскомъ университетѣ? обратился ко мнѣ графъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Кандидатъ физико-математическаго факультета, разряда естественныхъ наукъ, отвѣчалъ я.

— Ухъ, какъ длинно! полу-шутя замѣтилъ на это графъ. Дѣтямъ меня тоже отрекомендовали; я подалъ каждому изъ нихъ руку и при этомъ выразилъ надежду, что мы, вѣроятно, будемъ друзьями. Отвѣта не послѣдовало. Дѣти посмотрѣли на меня такъ, какъ смотрятъ на новую, но мало интересную вещь.

Начался семейный разговоръ, въ которомъ мнѣ, разумѣется, не приходилось принимать участія. Кто-то, наконецъ, вспомнилъ обо мнѣ и спросилъ: не желаю ли я отправиться осмотрѣть назначенную мнѣ комнату и устроиться тамъ. Я, разумѣется, охотно принялъ это предложеніе, такъ какъ чувствовалъ потребность отдохнуть послѣ всего того, что пришлось увидѣть и пережить въ послѣднее время.

Долго не могъ я заснуть, находясь подъ вліяніемъ новыхъ условій, въ которыя поставили меня обстоятельства, но молодость и усталость взяли наконецъ свое, и я заснулъ, какъ говорится, сномъ праведника.

Помѣщеніе было отведено мнѣ во флигель, тамъ же на другой половинѣ, помѣщались дѣти: мальчики съ гувернеромъ, а дѣвочки съ гувернанткой. Чай намъ приносили во флигель, а обѣдать и вечеромъ для собесѣдованій мы ходили въ большой домъ.

Благодаря любезности и вниманію хозяевъ, я скоро освоился. Графъ и графиня оказались милѣйшими людьми; они, повидимому, сразу оцѣнили, что имъ удалось заручиться учителемъ не забулдыгой, сбившимся съ дороги, а кандидатомъ университета; поэтому вниманіе ихъ ко мнѣ было просто безгранично.

Для характеристики нашихъ отношеній, вотъ отрывокъ изъ разговора моего съ графомъ, дня черезъ три по приѣздѣ.

— Что это Вы, Н. Ф., такой гонораръ назначили за свой трудъ? спросилъ онъ меня. Я не понялъ вопроса, и мнѣ прежде всего, пришло въ голову, что графъ вѣроятно сообразилъ, что я уже черезъ-чуръ большую сумму заломилъ за свой трудъ.

— А что же? спросилъ я, чтобы разъяснить дѣло.

— Да для круглаго счета, позвольте считать по крайней мѣрѣ 500 р. въ годъ. Тогда только я понялъ смыслъ вопроса.

Графъ и графиня старались поставить меня въ домѣ ихъ какъ равнаго себѣ, а не наемщика, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ.

Но не легко это было осуществить: взглядъ на домашняго учителя, да еще въ деревнѣ, какъ на ничтожество, какъ на челоуѣка, сбившагося съ дороги, установился вообще на столько прочно, что никакое вниманіе хозяевъ не могло сразу измѣнить этого.

Стоило, наприимѣръ, взглянуть на то, какъ лакеи, при прохожденіи учителя, черезъ переднюю, нехотя показываютъ видъ, что они приподнимаются, чтобы не затрудниться угадать, какъ они смотрятъ на эту личность вообще. А дѣти! Несмотря на всю такъ называемую выдержанность ихъ, они безъ всякаго злого умысла причиняли не мало мелкихъ страданій моему самолюбію.

— Отчего вы, Н. Ф., каждый день носите одинъ и тотъ же сюртукъ? у васъ другого нѣтъ? значитъ, вы бѣдный?

Наконецъ, и эти уколы самолюбію прекратились, и я сталъ въ домѣ полноправнымъ сочленомъ. Утромъ я занимался два часа съ дѣтьми, вечеръ проводилъ въ бесѣдѣ съ графомъ и графиней.

Однообразная деревенская жизнь довольно часто нарушалась прїѣздомъ гостей-сосѣдей. Это были, въ большинствѣ случаевъ, засидѣвшіеся по деревнямъ и облѣнившіеся помѣщики, бывшіе когда-то бойкими гусарами и уланами. Этотъ нынѣ отживающій типъ настолько своеобразенъ, что я хочу хотя нѣсколькими чертами набросать его въ моихъ воспоминаніяхъ.

Особенно памятенъ мнѣ отставной полковникъ-кавказецъ производившій на меня какое-то особенное, раздражающее вліяніе. Я никогда не могъ говорить съ нимъ равнодушно, вѣчно горячился и просто, что называется, выходилъ изъ себя. Впрочемъ, и не удивительно! Для характеристики, я приведу отрывокъ изъ такой бесѣды:

— А Вы все газеты читаете? обратился онъ однажды ко мнѣ, увидя меня съ газетой въ рукахъ.—Да, отвѣтилъ я.

— Все глупости пишутъ! заявилъ онъ вдругъ совершенно неожиданно.

— Почему же? полюбопытствовалъ я.—Да потому, во 1-хъ, отвѣчалъ онъ свойственнымъ ему наставительнымъ тономъ, что всѣ корреспонденты глупы, а во 2-хъ потому, что откуда же они могутъ знать?—Да почему же? допытывался я.—Ну

да какъ же? отвѣчалъ онъ, вы вѣдь напр. знаете этого Миничикова? Вѣдь какъ глупъ! Ну вотъ, если бы онъ былъ корреспондентомъ, что же бы онъ могъ написать, кромѣ глупости.

— Но вѣдь онъ не корреспондентъ, замѣчаю я.

— Да я и не говорю этого, а я такъ примѣръ привожу, чтобы доказать вамъ!—продолжалъ полковникъ.

— Да тутъ ни примѣра, ни доказательства никакого нѣтъ! уже раздраженно отвѣчаю я.—Ну нѣтъ,—настаивалъ мой собесѣдникъ,—вы этого не говорите. Какъ можетъ, спрашиваю я васъ, корреспондентъ знать что-нибудь? Ну, положимъ, было дѣло; какъ оно шло, этого никто не знаетъ. Потомъ уже начальство объявляетъ: тому Георгія, тому Станислава, ну, благодарность и нижнимъ чинамъ награды эти тоже, а потомъ въ Инвалидѣ напечатываютъ; вотъ тогда и извѣстно всѣмъ. А какъ корреспондентъ можетъ знать? Нечего ему писать, вотъ онъ и пишетъ глупости!—Я хочу возразить, но воздерживаюсь. Полковникъ поощренный этимъ молчаніемъ и считая его за согласіе, продолжаетъ наставительнымъ тономъ:

— Вотъ вѣдь тоже говорятъ: наука! Наука полезна! А право безъ этой науки-то лучше! И люди здоровѣе, да и цѣлѣе, я вамъ скажу.

— Какъ это?—неволью спрашиваю я.

— Да вотъ я опять приведу вамъ примѣръ: когда мы стояли съ полкомъ на Кавказѣ, прикомандировали къ намъ зачѣмъ-то двухъ таксаторовъ. Пьяницы, я вамъ скажу, горькіе! Вотъ разъ имъ и было приказано: узнать, въ какомъ разстояніи отъ насъ непріятель? Ну, и одолжили же, бестіи! Сколько этихъ людей погибло изъ-за нихъ! На 5 верстъ, говорятъ; мы и повѣрь имъ. Идемъ! а непріятель-то у насъ на носу, за лѣскомъ. И пошла потѣха! Да 250 человекъ и легло на мѣстѣ! Вотъ вамъ и наука! Вотъ вамъ и польза отъ науки! Они, шельмы, съ пьяныхъ-то глазъ, извольте видѣть, ошиблись!

— Это доказываетъ только-то, что пьянымъ таксаторамъ нельзя давать такихъ серіозныхъ порученій; а наука тутъ ни при чемъ, заявляю я, пораженный такой странной аргументаціей.

— Нѣтъ, вы этого не говорите. Я вамъ опять приведу примѣръ: вотъ астрономы смотрятъ на небо, считаютъ звѣзды, а что же изъ этого? Кому это надо? спрашиваю я васъ; да и

ему-то самому, астроному-то для чего это? Дайте вы, напр., ему овса, что онъ съ нимъ подѣлаеть съ своей наукой-то?

— Какъ овса, зачѣмъ овса?—съ недоумѣніемъ спрашиваю я.

— Съ нами былъ такой случай, опять-таки на Кавказѣ: зашли мы далеко отъ своей части, а непріятель-то и окружи насъ, нападать-то, знаете, боится, а между тѣмъ не выпускаеть! Запасовъ-то у насъ не было, потому что и пошли-то мы всего дня на 2, на 3; остался только овесъ, да спиртъ; вотъ намъ и давали на порціоны, по пригоршнѣ овса, да по рюмкѣ спирту.

— Ну и что же?—Что же? ѣли! вотъ я поэтому-то и говорю: дайте-ка вашему астроному овса, что онъ съ нимъ подѣлаеть? А мы вѣдь вотъ неученые, а вотъ ѣли же!

— Лошади тоже не ученые, а ѣдятъ овесъ и даже охотно! съ ѣдкостью замѣтилъ я.

— Да вѣдь я это такъ, только къ слову сказалъ, поправляется воинъ. А я доложу вамъ вотъ что и при томъ откровенно: не нравятся мнѣ вообще теперешніе молодые люди; нѣтъ въ нихъ этого, какъ вамъ сказать, уваженія что-ли, или какъ оно у васъ тамъ теперь называется?

— Да вы объяснитесь, я не ясно понимаю, что вы хотите сказать.

— Объяснить-то не долго. Вотъ я вамъ скажу примѣръ: иду я сегодня здѣсь по деревнѣ такъ, захотѣлось посмотрѣть, часу, я думаю, въ десятомъ, стоитъ у одного дома мужичишко и что же, вы думаете, дѣлаеть? Курить трубку! Это до обѣдни-то! Нѣтъ, въ прежнія времена не такъ бывало! Ему-бы, скотинѣ, баринѣ ни одного зуба во рту не оставилъ; вотъ какъ!

— При чемъ же тутъ молодые люди?

— Я такъ вѣдь это только къ слову сказалъ, какъ примѣръ. И съ этими словами онъ отошелъ въ сторону.

Не менѣе памятенъ мнѣ другой субъектъ, тоже нерѣдко навѣщавшій домъ графа и приводившій всѣхъ въ отчаяніе своею страстью рассказывать анекдоты. Рассказы эти были совершенно своеобразны и убѣдительно доказывали только то, что авторъ былъ рѣшительно лишенъ способности передать что-либо.

— Расскажу я вамъ...—такъ начиналъ онъ обыкновенно,—когда толки о дождѣ или засухѣ—обычные деревенскіе разговоры — прекращались, одинъ пресмѣшной случай; только боюсь, какъ бы мнѣ не забыть этого самага смѣшного слова;

память, прости Господи, такая стала, что безпрестанно забываешь; жена мнѣ говоритъ: ты, Пуля, право, точно теленокъ, ничего не помнишь; а я говорю: постой, постой, матушка! Да, такъ что же я такое началъ рассказывать? Да, кажется смѣшной случай. Вотъ вы знаете Рокитянского?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчаетъ слушающій.—Да какъ же не знаете? у него, помните, жена такая полная, красивая дама?

— Нѣтъ, не знаю!—повторяетъ слушающій.

— Ну, да это все равно! Такъ дай Богъ память. Это было въ 1875 г.; да, въ 75-мъ. Нѣтъ, не 75-мъ! Нѣтъ въ 75-мъ. Такъ, дѣйствительно! Ъхали мы изъ Купянска... да, изъ Купянска; нѣтъ, не изъ Купянска! Нѣтъ, изъ Купянска; такъ, такъ изъ Купянска! Ну, да какъ же! У меня тогда еще, помните, такая славная тройка была?

— Нѣтъ, не помню,—заявляетъ слушающій, ожидающій смѣшного случая.

— Ну, да это все равно! Нѣтъ постойте! Мы ѣхали на почтовыхъ; да именно на почтовыхъ! Вотъ память, прости Господи! Нѣтъ, не на почтовыхъ; нѣтъ, на почтовыхъ! Такъ, дѣйствительно! У меня въ то время кучеръ запьянствовалъ, и жена говорила мнѣ: да прогони ты этого Мартышку, его Мартыномъ звали; а я говорю: нельзя же, дружокъ, намъ безъ кучера остаться... да, такъ что я такое говорилъ? Дай Богъ память... да, кажется, о томъ, какъ мы ѣхали изъ Купянска въ Харьковъ. Вотъ, знаете, приѣзжаемъ; подѣхали къ гостиницѣ; входимъ, а это было утромъ; нѣтъ, не утромъ; да, утромъ; нѣтъ, не утромъ; да, утромъ! Такъ, нѣтъ же! Когда мы проходили чрезъ столовую, тамъ сидѣлъ какой-то офицеръ и ѣлъ борщъ; молодецъ такой офицеръ, видный, знаете такой изъ себя! Нѣтъ, виноватъ! Я перепуталъ: это изъ другого анекдота... Нѣтъ, такъ; нѣтъ не такъ! Нѣтъ именно такъ. Ну, такъ что бишь я говорилъ? Да, приѣхали мы въ Харьковъ; такъ, дѣйствительно! А въ это время въ Харьковѣ ожидали приѣзда генераль-губернатора; такъ, вотъ тутъ-то потѣха и начинается! Нѣтъ, постойте! Какъ же генераль-губернатора? Вѣдь генераль-губернаторства тогда уже не было въ Харьковѣ. Ну, разумѣется, такъ! Такъ какъ же это? Вотъ, дай Богъ память! Да... нѣтъ; думаешь, да такъ: ожидали приѣзда великаго князя; только какого же именно? Позвольте: Левочка у меня родился въ 1861-мъ году, а въ это время... Такъ нѣтъ же! Ну, да это все равно. Такъ ожидали приѣзда великаго князя; ну, тутъ, разумѣется, приготовленія всякія. На

Екатеринославской улицѣ будку поставили; такъ нѣтъ же! Не на Екатеринославской, нѣтъ, именно на Екатеринославской!

Вотъ и идемъ мы по улицѣ, а Рокитянскій этотъ, вѣдь вы знаете, ничего не пропуститъ; вотъ идемъ мы мимо будки, а Рокитянскій и говоритъ солдату... постойте, что онъ ему сказалъ? Да! нѣтъ!.. вотъ, право, забылъ! Да! служивый! что ты, говоритъ... вотъ, право, забылъ, что онъ ему сказалъ... а солдатъ говоритъ: проходите, говоритъ! Не помню, право, что Рокитянскій сказалъ, а долго мы потомъ смѣялись. Память у меня, право, стала никуда негодна, а прежде я много зналъ такихъ смѣшныхъ анекдотовъ!

Такимъ образомъ время шло мало - по - малу. Наступилъ май мѣсяцъ. Вдругъ, неожиданно получилъ я извѣстіе отъ брата, который сообщилъ мнѣ, что въ Екатеринославской гимназіи открылось мѣсто учителя естественныхъ наукъ, что попечитель округа Н. И. Пироговъ, имѣя въ виду двухъ кандидатовъ для замѣщенія этого мѣста—меня и товарища моего М., обратился въ университетъ съ вопросомъ—кого изъ двухъ названныхъ претендентовъ факультетъ рекомендуетъ особенно и, получивши обо мнѣ наиболѣе благопріятный отзывъ, назначилъ меня старшимъ учителемъ естественной исторіи въ Екатеринославскую гимназію.

Трогательно было прощаніе мое съ дорогимъ для меня семействомъ Гендриковыхъ, которые успѣли полюбить меня какъ родного и къ которымъ я привязался какъ къ самымъ дорогимъ для меня людямъ.

Въ іюнѣ я выѣхалъ изъ деревни и отправился къ мѣсту назначенія; съ этого момента началось мое служебное поприще.

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**